

Новая газ. - 2002. - 4-7 июля. - с. 18-19

БРОСЬТЕ МОНЕТКУ,

МЕСЬЕ И МАДАМ

Лилия ГУЩИНА

Симптом раскрученного лета: уличные музыканты косяком потянулись на Запад. На два месяца европейцам обеспечены все виды российского песенного лубка — от «Гори, гори...» до «Светит месяц, светит ясный». Они привыкли, смирились и уже относятся к нашим шарманичкам как к неизбежной части летнего пейзажа. Так было не всегда: открылись русские сезоны на средневековых мостовых Европы десять лет назад, и упала первая свободно конвертируемая монетка в футляр, возле которого стояла очень высокая, очень худая барышня с гитарой, очень нежным голосом и загранпаспортом на имя Зои ЯЩЕНКО. Правда, пела она не романсы, а свои, собственного сочинения песенки, которые сегодня поклонники группы «Белая гвардия» знают наизусть потверже, чем иные классические романсы

Зарабатывать на жизнь своими песнями я начала в 1991 году в московском метро. Вчерашние однокурницы пахали за копейки в газетах. У меня, кроме диплома журфака, была маленькая дочь, я не могла позволить себе роскошь профессионального безденежья и спустилась с гитарой в подземку. Первой сценической площадкой стал «Китай-город». Там совершенно особая жизнь. Обитатели подземки спускаются в свои киоски, к своим лоткам, когда еще не рассвело, а уходят, когда уже стемнело. Все, что с ними происходит — и жизнь, и сле-

зы, и любовь, — происходит именно там, под землей. Там свои законы, отличающиеся от законов наверху. Их либо сразу усваиваешь, либо ищешь себе другое занятие. В первый же день подошел парень: «Это мое место, я здесь играю на флейте». Я безропотно свернула гитару. Но дома почесала в затылке над пустой шляпой и поняла, что с моими «извините-простите-пожалуйста» буду голодной. Так я научилась держать удар. После первого же выхода на панель у меня изменились отношения с собой, они стали легче. Поуменьшился гонор, я чувствовала себя маленькой частицей этого

мира, мне ужасно нравилось декларировать: «Мы — дети подземелья!». Приятельницы смотрели как на ненормальную, и только с одной из однокурниц у нас возникло полное взаимопонимание. Она торговала в переходе бабочками.

Движение на Запад мы начали с Питера. Сначала пели возле Эрмитажа, в арке. Но сквозняк постоянно дул колоники. Переехали в Петропавловскую крепость. Там мы заработали очень здорово благодаря интуристам. Тогда и зародилась мысль, что стоит попробовать поастролировать по Европе.

Дебютировали в Германии. Добрались туда через Польшу, на перекладных и автостопом. Нам рассказывали, какой-то парень просто переплыл пограничную реку, выполз, отжал джинсы и пошел себе дальше. Познакомились с панками, попросили приюта, они нас привели в свою коммуну.

Поначалу тыкались повсюду: пели на каком-то мосту, у магазина — все мимо кассы. Это в Москве миллион переходов. В Берлине в жилых микрорайонах их нет совсем. А хоть бы и были — немцы подают в строго отве-

денных под милостыню местах. В Берлине — это Александр-плац. На ней никому не надо отстегивать и есть уверенность в заработке. За неделю вялой работы мы отбили дорогу, хотя стояли не больше трех часов. Больше трех петь невозможно, устают горло, начинаешь мерзнуть, болят руки... Тогда только что была разрушена Берлинская стена и у немцев случился приступ русофильства. Им хотелось нас обогреть, накормить — в футляр кидали пакеты с кефиром, яблочки, завтраки. Контингент слушателей — тот же, что и в московском метро. Подвыпившие мужички, которые регулярно в одно и то же время, в одном и том же состоянии приходили слушать.

В других городах Германии нам не везло. В Кельне, как раз накануне

нашего визита, местные власти издали указ: музыку на улицах запретить, уличных музыкантов выселить. Едва мы расчехлили инструменты, нам шепнули: не делайте этого, вас тут же заметут. Рядом настраивался скрипач. Мы решили понаблюдать: если с ним все будет в порядке, мы тоже рискуем, потому что денег уже не было. Он играл минут пять, не больше. Тут же подошли, увезли.

На второй год любовь поутихла, и мы уже зарабатывали не больше 100 марок в день. Пели мы только свои песни, никаких романсов, никакого фольклора, никакой коммерческой попсы, а немцам нравится маршевая музыка, чтобы было громко и весело. А уж если рядом построится клоун с кнопкой на штанах (кнопку нажал — штаны свалились), его никому не затмить — немецкая толпа принадлежит ему, потому что смотреть проще, чем слушать, потому что клоун — это зрелище.

В охлаждении еще винюваты и армии халтурщиков, которые рванули за легкими деньгами. Летом

Зоя ЯЩЕНКО

1992 года уже существовал конвейер, уже существовало жесткое расписание с утра, с часа «пик», когда народ идет на работу, до позднего вечера, и надо было в него попасть. Держали территорию украинцы, все хохлы и все из Полтавы. Это нас и спасло. Я начала бить себя в грудь: мол, земляки, как же так, я же своя, я же из Полтавы. Мне устроили экзамен: ну-ка назови, где такая улица, где такая, и только после нам разрешили петь в очень неудобное время — с 20 до 22 часов, когда народ уже схлынул. Это не мешало нам зарабатывать больше откровенных лабухов, которые весь день гнали один куплет. Немцы халтуры не любят и хоть языка не знают, но дешевку отличают моментально. Рядом с нами стоял один флейтист, пожилой эмигрант с консерваторским образованием. Уже на второй месяц он мог с уличных заработков оплатить квартиру и кормить семью. Ему набрасывали щедрее всех.

Но и нас не обижали. Главное — и в германском переходе, и в московском метро, и, я думаю, на любой другой и самой престижной, и самой захудалой сцене — готовы или нет к энергетическому опустошению. Когда движется толпа, она мимоходом высасывает из тебя всю энергию. Иногда точно дырку в животе пробивали, и я после суток лежала в лежку. Чтобы от этого защититься, надо петь бесстрастно. Я пыталась. Держалась первые полчаса. Ничего хорошего не получалось: я не замечала толпу, толпа не замечала меня. Потом я заводилась и начинала выкладываться, это сразу цепляло людей. Искренность пробивает любую дверь и вытряхивает любые карманы.

Ященко Зоя

7.07.02